

ТЯГЛЫЕ ПРОМЫШЛЕННИКИ «ВЕРХОВЫХ» ГОРОДОВ И УЕЗДОВ В ВОЛЖСКОМ ПОНИЗОВЬЕ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Аннотация.

Актуальность и цели. Исследование предпринимательского потенциала основного актора хозяйственной жизни страны – тяглого населения – представляет особую значимость для определения тенденций экономического развития российского государства в XVII – начале XVIII в. В статье рассмотрены роль и особенности участия в промысловом освоении Понизового Поволжья тяглых промышленников «верховых городов» Европейской России.

Материалы и методы. Сложность анализа предлагаемой проблемы обусловлена состоянием и репрезентативностью источниковой базы. Ее основой стали приказное делопроизводство, акты и делопроизводственные материалы, приходо-расходные книги и другие источники из центральных архивов страны.

Результаты. Выявлена степень участия различных категорий тяглого населения в хозяйственном освоении Европейского Юго-Востока. Рассмотрены их занятия откупам «рыбных ловель», кабаков и таможен, организацией рыболовецких и соледобывающих промыслов, транспортировкой грузов. Это позволяет определить особенности экономического районирования и интенсивно развивающихся хозяйственных связей в пространстве всей европейской части России.

Выводы. Тяглые люди «верховых городов» заняли свою особую нишу в составе предпринимателей Понизового Поволжья. Их имущественное положение, экономические возможности не позволяли заводить крупные промыслы, брать на откуп учуги. Но в совокупности они играли весьма значительную роль в хозяйственном освоении огромного региона, в формировании его тесных экономических отношений с центральными районами страны.

Ключевые слова: тяглые люди, Понизовое Поволжье, откупа, промыслы, предпринимательство, верховые города.

E. L. Dubman

DRAFT MANUFACTURERS OF THE “UPPER” CITIES AND DISTRICTS IN VOLZHSKY PONYZOVIE IN THE XVII – THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURIES

Abstract.

Background. The study of the entrepreneurial potential of the main actor of the economic life of the country – the taxed population – is very important for determining the trends of the economic development of the Russian state in the 17th – early 18th centuries. The article considers the role and peculiarities of participation of the

tiaglovih manufacturers of the “upper” cities of European Russia in the commercial development of the Ponizovaya Volga region.

Materials and methods. The complexity of the analysis of the proposed problem caused by the condition and representativeness of the source base. It was based on orderly record keeping, assembly and office materials, income-consuming books and other sources from the country’s central archives.

Results. The degree of participation of various categories of tiaglovoe population in the economic development of the European Southeast was revealed. Their occupation by the purchase of fish lodels, taverns and customs, organization of fishing and salt-producing industries, transportation of goods was considered. This allows us to determine the features of economic zoning and intensively developing economic ties in the space of the entire European part of Russia.

Conclusions. The tiaglovie people of the “upper” cities occupied their special niche as part of the entrepreneurs of the Ponizovaya Volga region. Their property status, economic opportunities did not allow them to start large-scale fisheries and take out uchugi. But, in aggregate, they played a very significant role in the economic development of the vast region, in the formation of its close economic relations with the central regions of the country.

Key words: tiaglovie people, povozovoye Volga region, buyback, crafts, business, “upper” cities.

Наличие богатейших природных ресурсов, интенсивное развитие промыслов, торговых путей и судоходства притягивали в пространство Европейского Юго-Востока предпринимателей и рабочих людей из самых разных регионов России [1, с. 47–81; 2, с. 44–117]. В предлагаемой статье рассмотрено место и особенности деятельности в этом «предпринимательском водовороте» тяглых промышленников, занимавшихся откупам рыбных ловель, городских «доходных мест» кабаков и таможен, организацией рыболовецких и соледобывающих промыслов, транспортировкой грузов на протяжении XVII – начала XVIII в. Они составляли лишь незначительную часть той огромной массы тяглых и «гулящих» людей, которые каждую весну с началом навигации уходили на среднюю и нижнюю Волгу, где нанимались на рыболовецкие и прочие промыслы, обслуживали речное судоходство и т.д.

Проблема изучения промыслово-торгового предпринимательства различных категорий тяглого населения в Московском государстве, участия их в освоении вновь присоединяемых окраинных регионов имеет определенную историографическую традицию. Исследователи не однажды рассматривали предпринимательские интересы посадского и крестьянского населения «верховых городов», московских слобод, Ярославского, Нижегородского и прочих регионов, простиравшихся на территорию Среднего (ниже устья Камы) и Нижнего Поволжья (далее условно это пространство будем называть Понизовое Поволжье [1, с. 5, 6]. Об этом свидетельствуют труды В. Р. Тарловской, Л. Л. Муравьевой, А. В. Демкина, других авторов [3–5]. Однако специальных работ, посвященных предлагаемой теме, крайне мало. Отечественные историки занимались ей лишь походя, в основном обращая внимание на деятельность привилегированного купечества, крупных церковных корпораций, дворцового ведомства и т.д. Ряд зарубежных исследователей, как, например, А. Каппелер, вообще считают, что российская экспансия вплоть до середины XIX в. определялась в основном стратегическими и внешнеполитическими, а не экономическими задачами и, соответственно, практически не рассматри-

вали последние [6, с. 21, 22, 154]. Подобный подход проявляется и в отдельных работах современных российских историков [7].

Несомненно, что изучение указанной проблематики представляет значительный научный интерес. Оно позволяет выявить особенности экономического районирования и интенсивно развивающихся хозяйственных связей, формирование которых совершенно очевидно прослеживается в XVII столетии в пространстве всей европейской части России. Исследование предпринимательского потенциала основного актора хозяйственного производства страны – тяглого населения – крайне важно для определения тенденций экономического развития всего Российского государства на переломном этапе его истории.

Трудности анализа предлагаемой темы обусловлены, прежде всего, состоянием источниковой базы [8, с. 117–125; 9, с. 49–54]. К сожалению, делопроизводство приказа Казанского дворца и большинства съезжих (приказных) изб области понизовых городов (за исключением Астраханской приказной палаты) практически не сохранилось. Поэтому приходится опираться на материалы других приказов, имевших зачастую косвенное отношение к рассматриваемой территории; архивы Дворца, крупных центральных монастырей, патриаршего Дома, Казанской и Астраханской епархий. Выявить процессы, происходившие на рубеже XVII–XVIII вв., позволяют материалы учреждений, проводивших реформу оброчных статей в начале XVIII в. Особо следует отметить записные пошленные и беспошленные книги Печатного приказа, суммировавшего сведения об откупках, торгово-промышленных сделках и т.д. практически по всей территории Московского государства. Однако определить состав и численность тяглых предпринимателей, динамику откупов, географию выхода и т.д., основываясь только на документах этого учреждения, крайне сложно из-за особенностей его деятельности [10, с. 189, 190, 195]. К сожалению, по отдельным годам записные книги приказа сохранились далеко не полностью. Записи в них отражали, прежде всего, откупные операции, производимые местной воеводской администрацией. В них не регистрировались данные о тяглых предпринимателях, бравших в аренду участки промысловых угодий у крупных монастырей, патриаршего Дома, дворцового ведомства, гостей и т.д. Между тем таких случаев, несомненно, было чрезвычайно много.

Так, в царской грамоте в Казань от 1624 г. говорилось, что местные воеводы писали в Москву о том, что «... многие рыбные ловцы, которые наперед сего оброчились в Казани в наших водах, ныне оброчатся менши прежнего, а льготы себе оброчатся на Самаре и на Саратове, и у Казанского Митрополита, и у Казанских и Свияжских монастырей». Меж тем в жалованных грамотах, выданных казанскому митрополиту и монастырской братии, особо отмечалось, что «...против прежних Государей указу, того не написано, чтоб те им рыбные ловли отдавать из оброку сторонним людям, а написано де, что им ловити своими рыбными ловцами» [11, с. 219]. Прочие источники сохранились лишь частично и не позволяют сформировать достаточно достоверную картину особенностей промысловой эксплуатации рыбных ресурсов Волги и других рек Европейского Юго-Востока. Однако их изучение все же позволяет хотя бы эскизно выявить важные тенденции промыслового освоения изучаемого региона, роль и место отдельных акторов в его хозяйственном развитии.

Среди тяглых промышленников особое место занимали жители ряда слобод Москвы. Многие из них по размаху своей предпринимательской деятельности и привилегиям были близки к членам гостинной и суконной сотен. В то же время представители этой группы лишь изредка фиксировались в источниках, отражающих промыслы и торговлю в пространстве Волжского Понизовья. Единственным исключением являются жители Кадашевской слободы. Часть из них приняли активнейшее участие в развитии промыслового освоения и в торговых операциях на территории Европейского Юго-Востока страны. Нельзя не согласиться с выводом Е. Д. Сташевского о кадашевцах как «наиболее активной» группе, занимавшей особое место среди других откупщиков в первые десятилетия XVII в. в городах, которыми ведал Разрядный приказ [12]. Мнение историка вполне применимо к процессам, происходившим в интенсивно осваиваемом промысловом пространстве Волжского Понизовья. Следует особо отметить, что наиболее активно кадашевцы занимались предпринимательской деятельностью в тех «городах», где посадские общины не получили быстрого развития или были невелики. Например, в Черном Яру, по которому имеются данные о совместных откупах кабака и таможи за 1636–1646 гг., в течение как минимум 7 лет откупщиками были кадашевцы Е. Васильев и И. Кубышкин [13, д. 68, № 885–887]. В Самаре и Саратове, обладавшими сравнительно крупными посадскими общинами, кадашевцы появлялись значительно реже (в Самаре брал на откуп кабак с 1644 по 1647 г. И. Серпов [13, д. 67, л. 189], а в Саратове – в 1650–1652 гг. Г. Михайлов) [13, д. 68, № 1413]. Последний в эти же годы оброчился в самарских рыболовных угодьях. Откупа кадашевцев в волжских городах упоминаются и в материалах второй половины XVII в. Но в эти годы они, как правило, оперировали меньшими денежными средствами и брали на оброк менее значимые объекты – торговые бани и т.п. [13, д. 67, л. 313; д. 68, № 891, 892]. По-настоящему крупный доход кадашевец И. Полунин и его компаньоны получали в конце 70-х гг. XVII столетия от откупного сбора «десятой рыбы» в Симбирске и Самаре. За год им удавалось собирать около 1500 руб. [13, д. 66, л. 146].

Эксплуатация богатейших рыбных ресурсов Волги и других рек региона также приносила значительную прибыль. Промышленники Кадашевской слободы наряду с доходными статьями волжских городов брали в аренду относительно значительные по размерам и доходности «рыбные ловли». Видимо особый размах их предпринимательская активность в отношении рыболовецких промыслов на Средней и Нижней Волге получила тогда, когда кадашевцам пришлось уступить своим конкурентам в борьбе за откупа кабаков и таможен. Всего, по данным записных книг Печатного приказа, за период с 1637 по 1664 г. сохранилось свыше 15 подобных случаев [13, д. 68]. Хронологически они распределяются следующим образом:

- вторая половина 1630-х гг. – 1;
- 1640-е гг. – 2;
- 1650-е гг. – 8;
- первая половина 1660-х гг. – 4.

В основном в этот период кадашевцы брали на откуп «рыбные ловли» под Самарой. Только по одному случаю известно об откупах в саратовских и царицынских водах и совершенно нет данных об Астрахани. И. В. Степанов,

крупнейший исследователь рыболовецкого и соляного промыслов Астраханского региона, в своих чрезвычайно информативных трудах фактически не дает указаний о присутствии предпринимателей из московских слобод среди астраханских промышленников [14, 15]. Видимо в этом крупном торговом и промысловом городе они и жители других московских слобод не могли выдержать конкуренцию более состоятельных и привилегированных предпринимателей.

Анализ доступных данных об откупных операциях позволяет считать, что в основном они заключались на сравнительно продолжительные сроки – от 3 и более лет (9 случаев). Как правило, промышленник, когда сроки откупа завершались, вновь договаривался о сдаче этих же промысловых вод в оброчное пользование. Известны три случая, когда промыслы брали в аренду по два срока, а один раз даже семь. Последний случай относится к промысловой деятельности жителя Кадашевской слободы О. Михалева, известного своим особым вниманием к добыче волжской рыбы. Его промыслы в 1658–1664 гг. располагались прежде всего в самаро-саратовских водах. Одновременно он брал в аренду несколько участков, причем некоторые на весьма длительный срок; например, елань-иргизские воды на – 5 лет, самарские юрты – на 4 года и т.д. Весьма крупными являлись оброчные платежи Михалева. Так, за самарские и елань-иргизские «рыбные ловли» он отдавал по 110,47 руб. в год (всего за 5 лет – 552,37 руб.). Самарские юрты, арендованные на 4 года, обошлись ему в 269,09 руб., а Драчевский и Соковский пески, взятые на 3 года, – в 123,34 руб. Выплаченные им платежи в совокупности достигали весьма крупных сумм.

Другие предприниматели проявляли меньшую активность. И все же их арендные платежи зачастую были значительно выше, чем у прочих групп промышленников, разумеется, исключая гостей, членов гостиной и суконной сотен. Только в трех случаях оброчные платежи за год не достигали 30 руб. В среднем же они составляли 50 руб. и более. Так, И. Серпов с 1645 г. отдал за трехлетний срок аренды в самарских рыбных и «звериных юртах» 353,18 руб. [13, д. 67, л. 130].

Приведенный выше материал, отражает только те откупные операции, которые заключались в съезжих (приказных) избах и затем фиксировались в книгах Печатного приказа. Его ни в коем случае нельзя назвать исчерпывающим. Он не включает эпизоды аренды «рыбных ловель» у привилегированных светских и церковных владельцев, а также случаи, когда слободские предприниматели нанимались их управителями. Так, черныярскими промысловыми владениями князя Я. К. Черкасского управляли кадашевцы Г. Богданов и Г. Кондаков [16, с. 36]. Возрождение волжских промыслов Дворца также шло при их непосредственном участии. Указанный выше Г. Богданов активно участвовал в воссоздании саратовского и царицынского промысла дворцового ведомства (1658–1659 и прочие годы) [17, с. 98; 18, д. 10799, л. 1, 2]. В 1661 г. саратовским дворцовым промыслом управлял А. Юртосов (Юрносов) [13, д. 68, № 875]. Характерно, что и в более поздний период 1670-х гг. этими промыслами заведовали также кадашевцы (черныярским – М. Щербак; саратовским, в который входил и царицынский, в 1671 г. – А. Юрносов) [18, д. 10839, л. 1; 19; 20, д. 5/53132, л. 1].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что казашевцы были на Средней и Нижней Волге одной из самых значительных и состоятельных категорий промышленников. Вероятно на повышение их активности в откупах влияли судебные и прочие привилегии (неподсудность и т.д.) [21, с. 91]. Они брали в аренду оброчные статьи в городах, рыбные промыслы; являлись управляющими на промыслах Дворца. В конце 1630-х – начале 1660-х гг. в пространстве Понизового Поволжья возникли условия для активизации их предпринимательства. Однако следует отметить, что в разных регионах европейской части страны эти процессы шли разнонаправленно. Так, во второй трети столетия снизилась их активность в тех городах, которые были подведомственны Владимирской чети [22, с. 153, 154].

Представители иных московских слобод значительно реже занимались промыслами на территории изучаемого региона. И все же назовем несколько таких случаев. Например, в Чалнинской дворцовой волости имелись два двора откупных и торговых промыслов. Одним из них владел предприниматель Бронной слободы Ф. Гурьев. Он поселился здесь «для откупного кабацкого и таможенного промыслу». Еще один двор состоял у владимирцев С. Боровицкого и С. Минина, занимавшихся торговлей хлебом и солью. Они также «отпускали соль даже в Астрахань» [23, с. 50].

К концу XVII в. ситуация на Европейском Юго-Востоке изменилась. Строительство засечных линий, формирование постоянного оседлого населения на территории Симбирского и закамских земель Казанского уездов способствовали возникновению новых форм промыслово-торгового освоения [2, с. 29, 30; 9, с. 130–132]. Предприниматели московских слобод не просто смогли эпизодически откупать волжские воды, но и стали одним из основных акторов хозяйственного освоения промысловых ресурсов региона. Фактически они получили в аренду крупнейшие дворцовые промыслы на акватории Волги между Казанью и Самарой. Так, промышленники М. Яковлев и Г. Леонтьев из московской Басманной слободы в 1701 г. получили в оброк на 5 лет дворцовый казанский промысел под 2530 руб. в год. К 1704 г. Г. Леонтьев вернулся назад в слободу, а М. Яковлев умер. Производство на некоторое время остановилось, но вскоре его возобновили. Источники свидетельствуют, что «по указу промышляют порутчики из той же слободы тяглецы» В. Тимофеев и А. Яковлев. В. Тимофеев, оценивая дальнейшую судьбу рыболовецкого предприятия, писал, что «...оброчные рыбные ловли, что есть в Казанском уезде, и рыбные ловцы белодворцы отданы на откуп Герасиму и Максиму» и ловят они «...самоловными снастями, и езами, и заезками, и стрежневыми неводами всякую рыбу твоим государевым рыбным ловцом белодворцом и подрядным ловцом... Летнюю рыбу продают, а осенней свежей садовой и зимней ловли отсылают в Москву, в Приказ Большого Дворца и за ту рыбу по оценке деньги засчитывают им в платеже откупных денег» [20, оп. 2, д. 56, л. 16 об. – 17; 24, с. 242].

Рыбный промысел дворцового ведомства в Симбирске взял в аренду с 1699 г. на 5 лет предприниматель Алексеевской слободы Н. Федоров. Годовые платежи составляли 400 руб. [20, д. 54, ч. IX, л. 5 об.]. Еще одним крупным промышленником на Средней Волге стал тяглец Басманной слободы И. Яковлев, получивший в Самаре с сентября 1701 г. «десятый рыбный сбор». Сумма откупа на 5 лет достигала 2500 руб. [24, с. 242]. Этот же тяглец,

вероятно, в 1704 г. смог взять на оброк рыболовные угодья под Самарой, которые до этого эксплуатировал нижегородский Благовещенский монастырь [20, оп. 2, д. 56, л. 219 об. – 220]. Данный перечень мог выглядеть более внушительным, если бы промышленники из Алексеевской слободы (А. Борисов) и Садовой (К. В. Борзов) не проиграли в 1704 г. торги на воды, ранее находившиеся у монахинь Новодевичьего монастыря и Ф. Ю. Ромодановского [20, оп. 2, д. 56, л. 269–273 об.].

Приведенные в данном разделе сведения позволяют сделать вывод о том, что жители московских слобод вполне могли конкурировать как по своей предпринимательской активности, так и по капиталам с другими, даже более привилегированными группами промышленников. К сожалению, сведения об их промыслах и других крупных предприятиях укладываются в весьма короткий временной отрезок. Это обстоятельство не дает возможности выявить основные тенденции их последующей предпринимательской деятельности.

Значительный интерес к промысловым богатствам и торговым путям Понизового Поволжья проявляли зажиточные слои посадского населения других регионов страны. И. В. Степанов высказывает обоснованное суждение о том, что тяглецы посадов «верховых городов» по размерам своих промыслов и торгово-предпринимательских операций находились на втором месте в группе откупщиков Астраханского Поволжья. Речь идет, прежде всего, о жителях крупнейших волжских городов, прежде всего Нижнего Новгорода и Ярославля, в основном бравших на откуп неводные «ловли» [15, л. 98].

Сохранилась достаточно репрезентативная сводка данных о заведении в Понизовом Поволжье рыболовецких промыслов этой категорией лиц в XVII в. Такие подсчеты позволяют сделать материалы записных книг Печатного приказа [13, д. 66–68; 25–27]. Нам удалось выявить данные о 38 предприятиях. Из них более половины (23) составили откупа посадских людей Нижнего Новгорода, а если учесть еще одного балахонца, то их удельный вес достигал 63,2 %. Можно сделать вывод, что жители посадов Нижегородского Поволжья заняли ведущее место на низовых рыболовецких промыслах. Лишь три предпринимателя (7,9 %) были выходцами из Казанского Поволжья, представляя Казань, Тетюши и Свияжск (при этом мы не учитываем казанско-камский промысловый район). Весьма значительной была группа гороховлян, по которым имеются сведения о семи откупах (18,4 %). По два откупа относятся на долю ярославцев и жителей Коломны, и лишь однажды в волжских водах оброчился вязниковец.

Особый интерес представляет определение динамики откупов по отдельным десятилетним циклам (отсчет мы ведем с начальной даты откупа). Резкое увеличение количества рыболовецких промыслов тяглецов из «верховых городов» в Понизовом Поволжье происходит в 1620-е – 1630-е гг. Из 17 случаев, падающих на 1620-е гг., 12 приходилось на их первую половину. К сожалению, явная недостаточность репрезентативных источников за данный период не дает возможности сделать обоснованный вывод. Так, в пошлинной книге Печатного приказа 1613 г. (за 27 февраля – 12 августа 1613 г.) отмечен лишь один откуп [27, с. 102].

Не совсем ясно, чем обусловлен глубокий спад, наступивший в 1640-х – 1660-х гг. И наконец, последние десятилетия XVII в. фактически не содержат сведений (лишь один случай) об аренде промыслов. Такую же тенденцию отражают данные о промысловой деятельности предпринимателей-крестьян из «верховых» уездов. Очевидно, эти группы предпринимателей были вытеснены из промысловой деятельности дворцовыми и монастырскими промышленниками. Возможно, их вынудили перейти в иные хозяйственные отрасли.

Посадские предприниматели брали в аренду промысловые воды на всем пространстве Волги: от Самары до Астрахани. В делопроизводстве Печатного приказа не удается выявить только откупа промыслов под Астраханью. В его записных книгах содержатся сведения о 16 случаях аренды по Саратову, 11 – по Самаре, 2 – по Царицыну; а также об одном совместном по Самаре и Саратову. Сведения о 8 откупах астраханских вод выявлены по другим источникам, и в основном они отражают 1620-е гг.

К сожалению, в книгах приказа не всегда приведены сведения о длительности откупов «рыбных ловель». Как правило, наиболее часто встречаются упоминания об аренде на год и на два (8 и 5 случаев соответственно). Всего дважды указаны случаи откупов промысловых вод на 3 года и только по одному разу – на 4, 5 и 7 лет. Следует особо отметить, что более-менее протяженные сроки аренды промыслов происходили в середине – второй половине XVII в. (начиная с 1640-х гг.). В то же время в данный период откупа промысловых угодий случались весьма редко. Таким образом, предпринимательская деятельность этой категории промышленников, как правило, ограничивалась коротким одно-двухгодовым сроком, была недолговременной.

Преобладающими являлись размеры годовых откупных платежей (там, где это можно определить) до 30 руб. – 10 случаев (из них 2 – до 10 руб. и по 4 – до 20 и 30 руб.). Однако имеются данные и о более значительных откупных платежах за владение действительно крупными промысловыми водами. Среди промышленников из Нижнего Новгорода выделим несколько тяглецов, бравших в аренду в 1620-е гг. учуги. Так, Т. Минин откупил в 1622–1623 гг. Бирюль и Басаргу. И. Игнатьев арендовал в 1624–1625 гг. Комызяк и в 1626–1627 гг. – Вешняк. В. Панфилов вел промысел вплоть до 1653 г. на Чурке. В последние десятилетия XVII в. М. Пушников занимался добычей рыбы и соли на учугах и соляных озерах. Я. Москаль сделал попытку на трехлетний срок (с 1626 г.) взять на откуп учуги Карасу и Увары [13, д. 68, № 1638; 15, с. 93–98; 28, с. 313]. В основном данные о стоимости откупов не сохранились, но очевидно арендные платежи составляли значительную сумму. Так, Я. Москаль сделал попытку откупить учуги, за которые в свое время Д. Назарьев выплачивал более 2000 руб. годовых. Среди тех, кто откупал неводные воды под Саратовом необходимо отметить гороховлян, которые брали на 4–7 лет промысловые воды, уплачивая за них в год от 70 до 80 и более руб. Так, Чирлатовские и Курдюмские воды брались с 1645 г. на пятилетний откуп И. Белиным за 409,97 руб.

Подобные платежи, превышавшие 70 руб. в год, для посадских тяглецов считались достаточно крупными и доступны были только состоятельным предпринимателям. К числу таковых следует отнести жителей Нижнего Новгорода М. Захарьева и З. Поздеева. Они на рубеже 1630–1640 гг. арендовали саратовские и саратовские «рыбные ловли» соответственно за 70,30 и 100,97 руб.

в год. Посадские люди из Ярославля И. Савельев и И. Ермолин выплачивали за неводные воды под Астраханью в 1620-х гг. по 102 и 179 руб. (не понятно, за 1 или 2 года) [15, с. 94, 98].

Несомненно, что протяженные сроки владения промыслами являлись одним из основных показателей устойчивости предпринимательской деятельности указанной группы промышленников в Нижнем и Среднем Поволжье. Бывали случаи, когда промысловые воды брались в аренду на 4–7 лет. Часть предпринимателей после того, как у них заканчивались откупа, арендовали вновь промыслы. Но все же это случалось от случая к случаю. Так, житель Нижнего Новгорода И. Охтин два раза арендовал Чирлатовские воды под Саратовом. Первый раз он сделал это единолично в 1626 г. Затем уже в первой половине 1630-х гг. привлек к откупам компаньонов. Уникальный по протяженности случай аренды промысловых угодий предпринял житель Нижнего Новгорода З. Поздеев. На протяжении 1621/22–1640 гг. он четыре раза арендовал саратовские и самарские «рыбные ловли». При этом он явно предпочитал Чирлатовские воды под Саратовом (три случая). Несомненно, что эксплуатация рыбных промыслов на Волге давала Поздееву хороший доход. Он начинал свою предпринимательскую деятельность в 1621–1622 гг. с 13,5 руб. откупных платежей в год. В конце 1620-х – середине 1630-х гг. аренда стоила ему 25–42 руб., а в конце 1630-х гг. за «рыбные ловли» и юрты под Самарой Поздеев отдал за два года 100,97 руб. Предприниматель пытался брать в аренду «рыбные ловли» одновременно под Самарой и Саратовом, однако явно переоценил свои возможности. Ему пришлось отказаться в 1640 г. от откупа промысловых вод под Саратовом.

И все же обыденными для сравнительно небогатых жителей посадов «верховых городов» являлись откупные сроки в 1–2 года.

О промысловой активности непривилегированных промышленников позволяют судить записи в приходе-расходных книгах Симбирского уезда за 1665–1667 гг. [29]. В них особо указано о девяти случаях аренды симбирских промысловых вод предпринимателями Свияжска и Казани. Называя этих промышленников «иногородними», мы допускаем определенную натяжку. Дело в том, что ранее «рыбные ловли» под Симбирском находились в ведении властей Казанского уезда. Семь случаев приходилось на казанцев. Среди них было несколько промышленников, специализировавшихся на добыче ценных сортов рыбы в симбирских водах. Самый яркий пример такой деятельности дают промысловые занятия ямского охотника К. Кривоножкина, который с 1658/59 по 1667 г. четыре раза арендовал «рыбные ловли». Оброк в 32,81 руб. он выплачивал за неводной промысел в Девичьих горах, а за остальные «ловли» сдавал в казну добытую рыбу. Так продолжалось до 1667 г., когда у Кривоножкина появились разногласия с казанскими властями и его посадили в тюрьму [29, с. 136]. Посадский тяглец К. Окованов в 1655 г. был также отмечен в числе оброчившихся в водах под Симбирском. За свой промысел он выплачивал по 36 руб. в год и, кроме того, сдавал в казну долю улова. К моменту составления книг этот оброк с него сняли. Однако уже весной 1667 г. Окованов взял в аренду промысловые волжские воды ниже Симбирска, заплатив за них 70 руб. в год [29, с. 132–134]. Еще один Окованов (Степан) вместе с жителем Казани И. Юрьевым несколько ранее, до 1662 г., арендовал «рыбные ловли» (помимо, стрелневых) за 15,75 руб. в год [29, с. 131].

Посадские промышленники Свияжска оказались менее предприимчивыми, чем казанцы. Лишь дважды в 1665–1667 гг. они брали на откуп промысловые угодья в Симбирском уезде. Сохранились записи о промысле посадского тяглеца Л. Семенова (аренда обходилась ему в 10,03 руб. за год) и предприятию бобыля свияженца И. Елагина Н. Воробьеве. Последний арендовал на три года промысел рыбы в р. Сок за 30 руб. в год. Воробьеву разрешили добывать на свой обиход лишь мелкую рыбу. Всю прочую он должен был отдавать по «указной цене» на рыбный двор. Помимо того, Н. Воробьеву предписали нанимать «зверовщиков», промыслявших в юртах на р. Сок «на государев обиход ... лебедей, живых лососей и коз диких». К сожалению, условия подобного найма неизвестны [29, с. 137, 143, 144].

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод, что 1660-е гг. были временем развития активного промыслового предпринимательства посадских людей из уездов, лежащих выше Симбирского. К ним относились прежде всего жители соседних по Волге регионов.

По крайней мере после завершения событий Смутного времени Волжское Понизовье становится пространством активных торговых и промысловых действий наиболее предприимчивых и состоятельных крестьян из «верховых» уездов. Выявленные источники свидетельствуют, что в основном это были выходцы из уездов Казанского и Нижегородского регионов [30, с. 52, 56, 69, 70, 73]. В. Р. Тарловская, проанализировав активную экономическую деятельность состоятельных крестьян-предпринимателей Нижегородского края (Нижегородского, Юрьевец-Повольского, Муромского, Балахнинского, Арзамасского и Алатырского уездов), доказывает, что именно низовья Волги в наибольшей степени привлекали их интересы [3, с. 76–80, 88, 92, 95–100]. Она считает, что в конце XVII в. именно «Астрахань была одним из главных пунктов торговли нижегородских крестьян-купцов... Из всех торговых центров, таможенные материалы которых использованы в работе, на долю Астрахани выпадает самый большой процент товарооборота крестьян региона» [3, с. 76, 78].

Но следует отметить, что к промысловым ресурсам нижней Волги и Северного Каспия проявляли интерес крестьяне-промышленники и из более далеких регионов уездов страны [4, с. 143]. Например, предпринимательское население Шуи, отмечало, что они используют «струговой ход... исстари во все понизовые города до Астрахани и на Макарьевскую ярмарку и обратно со всяким товаром, и с рыбою, и с солью, и с хлебом» [4, с. 131]. Одним из самых прибыльных занятий являлись казенные подряды [3, с. 98, 118, 128; 31, с. 21–69]. Несомненно, крестьяне «верховых» уездов традиционно из года в год занимались промыслами и торговлей в Нижнем Поволжье. Оказавшись в Астрахани, они использовали все возможности для заготовки соли на соляных озерах. И. В. Степанов подсчитал, что в 1674 г. они «сгребали» на озерах под Астраханью примерно 15 % всей соли, вывозимой вверх по Волге [14, с. 154]. Еще один исследователь, Л. К. Ермолаева, основываясь на данных о количестве отмеченной на таможне и вывозимой из Астрахани соли, приходит к выводу, что в 1620-х гг. крестьяне вывозили 0,5 % астраханской соли, а в 1680-х – 1690-х гг. – уже 20,3 % [32, с. 18]. Нет сомнений в том, что

на Волге складывается значительная группа состоятельных крестьян-предпринимателей. Среди них следует особо выделить «крестьян» Калмыковых из Благовещенской слободы Нижнего Новгорода. Они владели целым речным «флотом», торговали с Астраханью, завозили в Волжское Понизовье крупные партии хлеба и все необходимое для местных гарнизонов, выполняли государственные подряды. Какое-то время Калмыковы числились в составе гостинной сотни [31]. Помимо Калмыковых можно назвать еще ряд крестьян-предпринимателей. Сферой их промышленно-торговых интересов была вся средняя и нижняя Волга. На их предприятиях работало большое количество наемных людей. Они занимались добычей и вывозом соли из астраханских соляных озер, имели суда, перевозившие грузы по всей волжской и камской акватории. В большей части эти промышленники были из Нижегородского уезда и, как правило, принадлежали к крепостным крестьянам богатейших церковных и светских феодалов. Так, например, П. Абрамов и А. Первов жили во владениях нижегородского Благовещенского монастыря, А. Карпов – в патриаршей вотчине, а Басиловыми владел князь Черкасский [14, с. 155, 156].

К сожалению, сведений о том, что такие крестьяне-предприниматели заводили действительно крупные, действовавшие много лет рыбные промыслы на территории Понизового Поволжья, практически не сохранилось. Так, И. В. Степанов указывает только на два факта, когда крестьяне «верховых» уездов смогли взять в оброк значительные рыболовные угодья под Астраханью [15, с. 104]. Работа со всей совокупностью источников позволила выявить еще несколько подобных случаев. Один из них относится к Астрахани, по одному – к Самаре и Симбирску, три упоминаются по Саратову и еще один объединяет Самару и Саратов. Все семь случаев указаны в большом хронологическом диапазоне от 1620-х до начала 1670-х гг. Промыслы брали в оброк частновладельческие крестьяне. Из них пять было из Нижегородского уезда (из владений Б. И. Морозова, князей Черкасского и Лобанова-Ростовского); три принадлежали монастырям (из них один – крестьянин с Рождественно Самарского уезда местного Спасо-Преображенского монастыря). Среди крестьян «верховых городов» выходцы из уездов Нижегородского края оказались практически единственными монополистами в создании рыболовецких предприятий в Понизовом Поволжье. Приходо-расходные книги по Симбирскому уезду 1665–1667 гг. сообщают о крестьянине с Толминского П. Гордееве, который, получив промысловые воды под «Девичьими горами», платил за них по 2,68 руб. в год [29, с. 137].

Сроки откупов могли достигать до 4 лет, но в основном средняя их продолжительность составляла около года. К сожалению, выявлено слишком мало фактов крестьянского предпринимательства, чтобы создать более-менее репрезентативную подборку.

Разброс годовых арендных платежей для основной группы крестьян-предпринимателей был весьма велик и составлял от 2,6 до 34 руб. Но были и исключения. Так, например, достаточно масштабную сделку попытался совершить в 1628 г. И. Басилов (из села Павлово, владения князя И. Б. Черкасского). Он предложил 102,12 руб. за Ахтубинские воды под Астраханью, но не смог выиграть торги.

За редким исключением «иногородние» крестьяне-предприниматели имели значительно меньше возможностей заниматься крупной предпринима-

тельской деятельностью на Европейском Юго-Востоке страны. В выявленной статистике по данной категории промышленников имеется несколько особенностей. Среди «рыбных ловель» крестьянских откупов отсутствуют сколько-нибудь крупные промыслы, прежде всего учуги. Также не удалось выявить ситуации, когда один и тот же предприимчивый крестьянин делал попытку взять в аренду промысловые угодья несколько раз, как это было с представителями других групп тяглых предпринимателей.

Завершая данную работу, следует отметить, что имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют представить только самую общую картину хозяйственного предпринимательства в Понизовом Поволжье различных категорий тяглого населения Московского государства. Можно сделать вывод, что тяглецы «верховых городов» заняли свою особую нишу в составе предпринимателей региона. Разумеется, за редким исключением, их имущественное положение, экономические возможности не позволяли заводить крупные, существующие длительное время промыслы; быть постоянными участниками торгов за астраханские учуги и т.д. Но вместе с тем в совокупности они играли весьма значимую роль в хозяйственном освоении огромного региона, постепенном вхождении его в общероссийское экономическое пространство.

Библиографический список

1. **Дубман, Э. Л.** Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI–XVII вв. / Э. Л. Дубман. – Самара : Самарский ун-т, 1999. – 216 с.
2. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / под ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. – Самара : Самарское отделение Литфонда, 2007. – 328 с.
3. **Тарловская, В. Р.** Торговля России периода позднего феодализма (Торговые крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в.) / В. Р. Тарловская. – М. : МГУ, 1988. – 163 с.
4. **Муравьева, Л. Л.** Деревенская промышленность центральной России второй половины XVII в. / Л. Л. Муравьева. – М. : Наука, 1971. – 207 с.
5. **Демкин, А. В.** Русское купечество XVII–XVIII вв. Города Верхневолжья / А. В. Демкин. – М. : Наука, 1990. – 94 с.
6. **Каппелер, А.** Россия – многонациональная империя: Возникновение, история, распад : пер. с нем. / А. Каппелер. – М. : Традиция : Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
7. **Бахтин, А. Г.** Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. : автореф. ... дис. д-ра ист. наук / Бахтин А. Г. – М., 2001. – 44 с.
8. **Дубман, Э. Л.** Государство и общество в освоении Юго-Востока Европейской России в середине XVII – начале XVIII вв.: некоторые проблемы источниковедения / Э. Л. Дубман // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2015. – № 7 (129). – С. 117–125.
9. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) : в 2 ч. Ч. I. Очерки истории : монография / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. – Самара : Самарский ун-т, 2013. – 360 с.
10. **Герасимов, А. А.** Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) / А. А. Герасимов // Классика самарского краеведения : антология / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана. – Самара : Самарский ун-т, 2006. – Вып. 2. – С. 188–257.

11. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук : в 4 т. – СПб., 1836. – Т. 3. – 525 с.
12. **Сташевский, Е. Д.** Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Часть первая. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны / Е. Д. Сташевский. – Киев, 1913. – 387 с.
13. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН). Ф. 38. Оп. 1.
14. **Степанов, И. В.** Организация соляных промыслов в низовьях реки Волги в XVII веке / И. В. Степанов // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. – 1941. – Вып. 8, № 73. – С. 143–162.
15. **Степанов, И. В.** Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке / М. В. Степанов // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. – 1939. – Вып. 5, № 48. – С. 80–142.
16. **Щепетов, К. Н.** Помещичье предпринимательство в XVII в. (По материалам хозяйства князей Черкасских) / К. Н. Щепетов // Русское государство в XVII веке. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни : сб. ст. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – С. 17–38.
17. **Осипов, В. А.** Очерки по истории Саратовского края (конец XVI и XVII вв.) / В. А. Осипов. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1976. – 104 с.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 281.
19. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 40 т. – СПб., 1907. – Т. 21. – 94 с.
20. РГАДА. Ф. 26.
21. **Снегирев, В.** Московские слободы. Очерки по истории Московского посада XIV–XVIII вв. / В. Снегирев. – М. : Московский рабочий, 1956. – 240 с.
22. **Демкин, А. В.** Откупа как форма накопления капитала в России XVII в. / А. В. Демкин // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. К 100-летию со дня рождения члена корреспондента АН СССР С. В. Бахрушина. – М. : Наука, 1984. – С. 149–156.
23. **Буканова, Р. Г.** Закамская черта XVII века : дис. ... канд. ист. наук / Буканова Р. Г. – Воронеж, 1980. – 170 с.
24. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом : в 2 т. – М., 1872. – Т. 2. – 406 с.
25. РГАДА. Ф. 233. Оп. 1.
26. **Голомбиевский, А. А.** Материалы для истории г. Саратова. Записи книг Печатного приказа (1650–1675) / А. А. Голомбиевский. – М., 1892. – 26 с.
27. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). – М. : Наука, 1994. – 479 с.
28. **Ермолаева, Л. К.** Крупное купечество России в XVII – первой четверти XVIII в. / Л. К. Ермолаева // Исторические записки : в 135 т. – М., 1986. – Т. 114. – С. 303–325.
29. **Зерцалов, А. Н.** Материалы для истории Синбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Синбирской Приказной Избы) 1665–1667 гг. / А. Н. Зерцалов. – Симбирск, 1896. – 275 с.
30. Крестьянские челобитные XVII в. Из собраний Государственного Исторического музея. – М. : Наука, 1994. – 329 с.
31. **Бакланова, Н. А.** Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. / Н. А. Бакланова. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 292 с.
32. **Ермолаева, Л. К.** Торговые связи Астрахани в XVII – первой четверти XVIII в. (К проблеме формирования всероссийского рынка) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ермолаева Л. К. – Л., 1982. – 21 с.

References

1. Dubman E. L. *Promyslovoye predprinimatel'stvo i osvoenie Ponizovogo Povolzh'ya v kontse XVI–XVII vv.* [Commercial entrepreneurship and development of the Ponizoviy of the Volga region in the end of XVI–XVII centuries]. Samara: Samarskiy un-t, 1999, 216 p.
2. *Povolzh'e – «vnutrennyaya okraina» Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territoriy (konets XVI – nachalo XX vv.)* [Volga region – “internal outskirts” of Russia: state and society in the development of new territories (end of XVI – beginning of XX centuries)]. Eds. E. L. Dubman, P. S. Kabytov. Samara: Samarskoe otdelenie Litfonda, 2007, 328 p.
3. Tarlovskaya V. R. *Torgovlya Rossii perioda pozdnego feodalizma (Torgovye krest'yane vo vtoroy polovine XVII – nachale XVIII v.)* [Russian trade in the period of late feudalism (Trading peasants in the second half of the XVII – the beginning of the XVIII centuries)]. Moscow: MGU, 1988, 163 p.
4. Murav'eva L. L. *Derevenskaya promyshlennost' tsentral'noy Rossii vtoroy poloviny XVII v.* [The rural industry of central Russia in the second half of the XVII century]. Moscow: Nauka, 1971, 207 p.
5. Demkin A. V. *Russkoe kupechestvo XVII–XVIII vv. Goroda Verkhnevolzh'ya* [Russian merchants of the XVII–XVIII centuries. Upper Volga cities]. Moscow: Nauka, 1990, 94 p.
6. Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie, istoriya, raspad: per. s nem.* [Russia – a multinational empire: origin, history, decay: translated from german]. Moscow: Traditsiya: Progress-Traditsiya, 2000, 344 p.
7. Bakhtin A. G. *Russkoe gosudarstvo i Kazanskoe khanstvo: Mezhgosudarstvennye otnosheniya v XV–XVI vv.: avtoref. dis. d-ra ist. nauk* [Russian state and Kazan Khanate: Interstate relations in XV–XVI centuries: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Moscow, 2001, 44 p.
8. Dubman E. L. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya* [Bulletin of Samara State University. Humanities]. 2015, no. 7 (129), pp. 117–125.
9. *«Obretenie rodiny»: obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.): v 2 ch. Ch. I. Ocherki istorii: monografiya* [“Finding the Motherland”: society and authorities in the Middle Volga Region (second half of XVI – the beginning of XX century): in 2 parts. Part 1. History essay: monograph]. Eds. P. S. Kabytov, E. L. Dubman, O. B. Leont'eva. Samara: Samarskiy un-t, 2013, 360 p.
10. Geraklitov A. A. *Klassika samarskogo kraevedeniya: antologiya* [Classic Samara regional studies: anthology]. Samara: Samarskiy un-t, 2006, iss. 2, pp. 188–257.
11. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsieyu imperatorskoy Akademii nauk: v 4 t.* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archeographical Expedition of the Imperial Academy of Sciences: in 4 volumes]. Saint-Petersburg, 1836, vol. 3, 525 p.
12. Stashevskiy E. D. *Ocherki po istorii tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha. Chast' pervaya. Moskovskoe obshchestvo i gosudarstvo ot nachala tsarstvovaniya Mikhaila Fedorovicha do epokhi Smolenskoj vojny* [Essays on the history of the reign of Mikhail Fedorovich. Part 1. Moscow society and the state from the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich to the Smolensk war]. Kiev, 1913, 387 p.
13. *Nauchno-istoricheskiy arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN (NIA SPb II RAN)* [Scientific and historical archive of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences)]. F. 38. Op. 1.
14. Stepanov I. V. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskikh nauk* [Bulletin of Leningrad State University. Historical sciences]. 1941, iss. 8, no. 73, pp. 143–162.

15. Stepanov I. V. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskikh nauk* [Bulletin of Leningrad State University. Historical sciences]. 1939, iss. 5, no. 48, pp. 80–142.
16. Shchepetov K. N. *Russkoe gosudarstvo v XVII veke. Novye yavleniya v sotsial'no-ekonomicheskoy, politicheskoy i kul'turnoy zhizni: sb. st.* [Russian state in the XVII century. New phenomena in the socio-economic, political and cultural life: collected articles]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961, pp. 17–38.
17. Osipov V. A. *Ocherki po istorii Saratovskogo kraja (konets XVI i XVII vv.)* [Historical essays of the Saratov region (the end of XVI and XVII centuries)]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1976, 104 p.
18. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 281.
19. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoy komissiei: v 40 t.* [Russian historical library, published by the Archaeographic commission: in 40 volumes]. Saint-Petersburg, 1907, vol. 21, 94 p.
20. *RGADA*. F. 26.
21. Snegirev V. *Moskovskie slobody. Ocherki po istorii Moskovskogo posada XIV–XVIII vv.* [Moscow suburbs. Essays on the history of Moscow Posad XIV–XVIII centuries]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1956, 240 p.
22. Demkin A. V. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii feodal'noy Rossii. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya chlena korrespondenta AN SSSR S. V. Bakhrushina* [Problems of socio-economic history of feudal Russia. Dedicated to the 100th anniversary of the birth of S. V. Bakhrushin, a member of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: Nauka, 1984, pp. 149–156.
23. Bukanova R. G. *Zakamskaya cherta XVII veka: dis. kand. ist. nauk* [Zakamskaya boundary of the XVII century: dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Voronezh, 1980, 170 p.
24. *Sbornik vypisok iz arkhivnykh bumag o Petre Velikom: v 2 t.* [Collection of excerpts from archival papers about Peter the Great: in 2 volumes]. Moscow, 1872, vol. 2, 406 p.
25. *RGADA*. F. 233. Op. 1.
26. Golombievskiy A. A. *Materialy dlya istorii g. Saratova. Zapisi knig Pechatnogo prikaza (1650–1675)* [Materials for the history of Saratov. Book Entries of the Printed Order (1650–1675)]. Moscow, 1892, 26 p.
27. *Dokumenty Pechatnogo prikaza (1613–1615 gg.)* [Documents of the Printed Order (1613–1615)]. Moscow: Nauka, 1994, 479 p.
28. Ermolaeva L. K. *Istoricheskie zapiski: v 135 t.* [Historical notes: in 135 volumes]. Moscow, 1986, vol. 114, pp. 303–325.
29. Zertsalov A. N. *Materialy dlya istorii Sinbirskaya i ego uezda (Prikhodo-raskhodnaya kniga Sinbirskoy Prikaznoy Izby) 1665–1667 gg.* [Materials for the history of Sinbirsk and its district (Parish-account book of Sinbir House of Order)]. Simbirsk, 1896, 275 p.
30. *Krest'yanskije chelobitnye XVII v. Iz sobraniy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya* [Peasant petitions of XVII century. From the collections of the State Historical Museum]. Moscow: Nauka, 1994, 329 p.
31. Baklanova N. A. *Torgovo-promyshlennaya deyatel'nost' Kalmykovykh vo vtoroy polovine XVII v.* [Commercial and industrial activity of Kalmykovs in the second half of the XVII century]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1959, 292 p.
32. Ermolaeva L. K. *Torgovye svyazi Astrakhani v XVII – pervoy chetverti XVIII v. (K probleme formirovaniya vserossiyskogo rynka): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Trade relations of Astrakhan in the XVII – the first part of the XVIII century (To the problem of the formation of the All-Russian market): author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences]. Leningrad, 1982, 21 p.

Дубман Эдуард Лейбович

доктор исторических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой
русской истории, Самарский
национальный исследовательский
университет имени академика
С. П. Королева (Россия, г. Самара,
ул. Академика Павлова, 1)

E-mail: dubmane@mail.ru

Dubman Eduard Leybovich

Doctor of historical sciences, professor,
deputy head of the department of Russian
history, Samara National Research
University (1 Akademika Pavlova street,
Samara, Russia)

УДК 94(47).04

Дубман, Э. Л.

**Тяглые промышленники «верховых» городов и уездов в Волжском
Понизовье в XVII – начале XVIII в. / Э. Л. Дубман // Известия высших
учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2018. –
№ 2 (46). – С. 20–35. – DOI 10.21685/2072-3024-2018-2-2.**